

Ю. О. Савичева

Гендерные особенности мотивации труда на предприятиях тяжелой промышленности в годы Великой Отечественной войны

В статье анализируются гендерные аспекты формирования мотивационных установок у женских рабочих кадров на промышленных предприятиях Южного Урала в период Великой Отечественной войны. Исследование основано на архивных материалах и источниках личного происхождения, использовании гендерного подхода. Представлены внутренние и внешние мотивационные факторы и установки, сделан вывод о гендерной специфике мотивации труда на промышленных предприятиях. В числе гендерных особенностей выделены агитационная политика властей по отношению к женщинам, направленная на формирование у них новых моделей поведения, «гендерное премирание», увеличение сети детских учреждений, что способствовало вовлечению женщин в производственную деятельность.

Ключевые слова: гендерная история, Великая Отечественная война, мотивация труда, промышленное предприятие, женское население.

Гендерные социокультурные различия легли в основу многих современных исследований, касающихся военного периода. Актуальной на сегодняшний день остается проблема мотивации труда во время Великой Отечественной войны, так как исторический опыт привлечения рабочей силы на предприятия в условиях командной экономики, экстремальных условий и жесткого дефицита ресурсов важен для управления трудовыми ресурсами в рыночной экономике. В статье предпринята попытка рассмотрения гендерных особенностей мотивации труда на предприятиях тяжелой промышленности Южного Урала в экстремальной обстановке войны. В регионе были сосредоточены эвакуированные промышленные предприятия, которые выполняли государственные заказы по снабжению фронта всем необходимым.

Методологической основой работы выступает гендерный подход, позволяющий выделить мотивационные факторы трудовой деятельности с учетом гендерной идентичности. Согласно Н. Л. Пушкаревой, «гендерный подход к исследованию — это учет многовариативного влияния пола, а пол состоит, в свою очередь, из двух компонентов — биологического и социального» [20, с. 76]. Этот подход используют в своих исследованиях такие зарубежные ученые, как Г. Бок [2], Г. Будде [3], В. З. Голдман [5], Н. З. Дэвис [7], Р. Хоф [26]. Среди российских исследователей отметим работы С. Г. Айвазовой [1], А. Ш. Кабириной [9], М. Г. Муравьевой [13], Л. П. Репиной [22], А. Усмановой [24], Р. Р. Хисамутдиновой [25].

Под трудовой мотивацией мы понимаем совокупность внешних и внутренних факторов, определяющих и направляющих трудовую активность человека и детерминирующих его поведение. Вопросами мотивации занимался видный психолог Е. П. Ильин [8], который рассматривал теоретические и методологические основы мотивации и мотивов человека. Несомненный интерес представляют работы В. А. Сомова [23], анализирующего факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны. Вопросы формирования мотивов поведения в экстремальной обстановке войны освещаются в исследованиях М. Н. Потемкиной [19], Е. М. Малышевой [11].

В научной литературе существует множество классификаций мотивации, различающихся критериями. Нельзя сказать, что все виды мотивации применительно к военному периоду существовали обособленно, они представляли собой определенную систему,

© Савичева Ю. О., 2018

взаимодополняя друг друга. Мы придерживаемся общепринятого разделения мотивации работника на внутреннюю и внешнюю.

Внешняя мотивация — система факторов, влияющих на работника извне. Мобилизация мужского населения на фронт вызвала нехватку рабочих кадров на предприятиях. Одним из основных источников пополнения рабочего класса стали женщины. Государственная стратегия управления трудовыми ресурсами была продиктована командным типом экономики и экстремальной обстановкой войны. Выделяют следующие методы формирования мотивационных установок у женского населения: административно-командные, пропагандистские и стимулирующие.

Административно-командные методы носили, как правило, принудительный и карательный характер. Например, мобилизация женских трудовых ресурсов была регламентирована указами Президиума Верховного Совета СССР и решениями ГКО, Совнаркома СССР, совнаркомов союзных республик. Так, были приняты меры по привлечению в промышленность, строительство и на транспорт неработающих мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин в возрасте от 16 до 45 лет [6]. В результате, по данным на июнь 1942 г., в Челябинской области было мобилизовано 22 443 рабочих, среди них 6127 женщин, тогда как мобилизационный план составлял 35 945 рабочих [14, л. 12]. Несмотря на то что потребности предприятий в рабочей силе не были удовлетворены полностью, данные мероприятия можно признать эффективными, так как они позволили уменьшить нехватку рабочей силы, систематизировать мобилизацию различных слоев населения, обеспечить стабильную работу промышленных предприятий. Женское население было вовлечено в производственную деятельность, гендерный состав предприятий изменился в сторону увеличения доли женщин.

Карательные меры государства предполагали наказание в целях недопущения действий, которые могли нанести вред производству, нарушить трудовую дисциплину. М. А. Остапенко вспоминала: «Конечно, все простужались, но никаких бюллетеней никто и не думал брать. У меня ноги так заболели, что все были в волдырях. Забинтовывала их тряпками, штаны надевала и шла на работу. За опоздание и неявку на работу наказывали. Если не явишься, тебя могли посадить в тюрьму. Исключение для тех, кто лежит совсем больной. Если ты не вышел, станок пустой. А это задержка всего цикла. Один станок не работает — все стоит. В цеху постоянно находились военпреды — военные, которые следили за нами» [4, с. 47]. Условия трудовой дисциплины были достаточно жесткие: «На 20 минут опоздаешь — суд: на 4 месяца лишают 25% зарплаты» [4, с. 119].

Особого внимания заслуживает дезертирство с предприятий. Его причинами являлись тяжелое материально-бытовое положение рабочих, низкая заработная плата, нехватка одежды и обуви, неэффективная работа следственных органов, отсутствие разъяснительной работы среди населения [15, л. 426—434]. Женщины-работницы были менее склонны к дезертирству, поскольку именно трудовая деятельность служила основным источником материального обеспечения семьи, залогом стабильности в экстремальной обстановке. Увольнение с работы могло быть вызвано нехваткой мест в яслях и детских садах [16, л. 14].

Агитационно-пропагандистская деятельность советской власти была направлена на формирование в обществе определенных моделей поведения. Периодическая печать — основной канал формирования общественного мнения, изменения гендерных стереотипов. За женщиной исторически закреплялись следующие социальные роли: жена, мать, хранительница домашнего очага, хозяйка. Процесс трансформации гендерных ролей начался задолго до войны, в 1930-х гг., того требовала советская идеология, предполагавшая «равенство полов». Уже тогда начался приток женщин на промышленные предприятия,

но доля их в производстве была небольшой. Так, на Магнитогорском металлургическом комбинате на 1 июля 1937 г. доля женщин составляла 20,4%, а к 1 октября 1940 г. она увеличилась до 23,7% [21, с. 121].

Вовлечение женщин в промышленность рассматривалось в тот период как средство решения «женского вопроса», достижения фактического равенства мужчин и женщин при социализме. С началом войны пропаганда образа женщины-работницы приобрела огромный масштаб, государство придавало этому особое значение, так как именно женщины должны были «исполнить долг перед Родиной» и заменить ушедших на фронт мужчин. Периодическая печать оказывала влияние на формирование мотивационных установок женского населения, призывала включиться в производственную деятельность, выйти из замкнутого пространства на общественную арену. Именно тяжелые условия труда, непосильная работа должны были свидетельствовать о равенстве мужчин и женщин в советском обществе. Гендерная дифференциация труда претерпела изменения, женщины овладевали «мужскими» профессиями. Газеты военного периода пестрили примерами героического труда женщин, перевыполнявших планы на 200—400%. Это помогало показать возросшую роль женщины в обществе и навязать необходимые государству модели поведения [10]. Данный метод внешней мотивации оказался результативным, поскольку женщины, подверженные эмоциональному влиянию, прислушивались к призывам руководства и включались в производственную деятельность.

Стимулирование представляет собой внешние рычаги повышения активности рабочих кадров путем материальной заинтересованности. Приоритетным источником существования советской семьи являлась заработная плата. С этим связана активная трудовая деятельность женщин, нуждающихся в материальном обеспечении. В системе оплаты труда наблюдались гендерные различия. Чаще всего заработная плата женщин была ниже, чем у мужчин, в связи с низкой квалификацией или полным ее отсутствием, занятием низкооплачиваемых должностей. В большинстве случаев женщины выполняли второстепенные и подсобные работы, не предполагающие высокой оплаты труда. Однако у них имелась возможность повысить квалификацию. Всего за годы войны в Челябинской области рабочим специальностям было обучено 24 943 женщины, что составляло 30,5% от общего числа подготовленных рабочих области [16, л. 35]. Премии и подарки мотивировали к эффективной трудовой деятельности. Помимо премий за перевыполнение плана существовала традиция награждения женщин-передовиков к празднику 8 Марта: их поощряли необходимыми товарами — платьями или юбками, мануфактурой и т.д. Женщинам, которые в массовом сознании являлись носителями эстетической функции (обаяние, красота), это было особенно важно, что подчеркивает гендерную специфику организации стимулирования, связанную с возрастающей ролью женщины в обществе.

Своеобразные «привилегии» рабочего класса служили мотивационным фактором. Рабочие, в том числе и женщины, прикреплялись к сети общественного питания, получали продовольственные карточки. М. А. Остапенко попала на комбинат в 13 лет, добавив себе возраста: «Я им говорю, что ничего не умею, а они: “Тебя научат! И карточка будет больше — 700 граммов хлеба, как взрослому”. С большим трудом меня устроили на комбинат, ведь я была такая маленькая, худенькая, совсем ребенок» [4, с. 45]. Первоочередному снабжению подлежали выполнявшие и перевыполнявшие нормы-планы. Штамп «первая очередь» давал возможность получить дефицитные товары по желанию. Г. П. Гриднева, рассказывая о маме, писала: «Но как ни страшно работать в ночную смену, но... надо, так как за работу в ночную смену давали УДП (усиленное дополнительное питание) — жидкость, в которой плавали зерна овсянки и капустные листочки. Как же хотелось выпить эти “щи”!» [18, с. 37].

Особенностью стимулирования женщин-работниц являлась и возможность устроить детей в детские сады и другие детские учреждения. Так, в Магнитогорске за время войны увеличилось число детей, прикрепленных к детским учреждениям: на 1 ноября 1941 г. было 2000 детей, на 1 ноября 1942 г. — 3860, на 13 сентября 1944 г. — 4326. Свободных мест в детских садах не хватало, в каждой группе было по 30—40 человек [12, л. 154]. Лишь в исключительных случаях в садах находились дети, у которых матери не работали. Стране были необходимы рабочие руки, и государство ориентировалось прежде всего на работающих женщин, поэтому предоставляло им льготы при приеме детей в детские учреждения. Такие методы стимулирования явились мощным мотивационным фактором, позволяющим женщинам приспособиться к жизни в годы войны, а государству — обеспечить предприятия рабочими руками. Гендерная роль матери совмещалась с ролью работницы, которая своим трудом обеспечивала детей.

Анализ факторов внешней мотивации приводит к выводу о том, что государственная политика управления трудовыми ресурсами в период войны целенаправленно формировала нужные мотивационные установки населения, тем самым изменяя гендерные стереотипы трудовой деятельности, насаждая новые модели поведения.

Внутренняя мотивация возникает у человека под влиянием собственных стремлений и потребностей, подкрепляется эмоциональными переживаниями. Типовыми стимулами здесь являлись желание помочь Родине в борьбе с врагом, ощущение признания вклада в результат проделанной работы, интерес к работе. Г. П. Гріднева рассказывает о трудовой деятельности своей матери: «Часто приходилось на заводе работать полугодной по 18—20 часов в сутки, но мама не роптала на это, они старались дать фронту как можно больше оружия. Зимой в цехе руки примерзали к корпусам мин, но она не жаловалась, делала все для фронта, только бы скорее кончилась война» [18, с. 35]. К. Ф. Малова пишет: «Было тяжело, но мы не унывали. Беда, свалившаяся на страну, нас всех сплотила, мы помогали друг другу, работали не жалея сил и свято верили в победу» [18, с. 58]. Осознание того, что своим трудом женщины приближали долгожданную Победу, не покидало их. По словам В. И. Сумеркиной, «на завод шли по велению сердца...» [17, с. 149]. К. Г. Шакирова вспоминала: «Начальник как-то сказал: если вас не устраивает, ищите другую работу, а другой работы мы не хотели... Это сейчас все мысли у людей только о них. Ради денег некоторые готовы предать, пойти на преступление. Для нас же деньги не были стимулом к жизни, поэтому мы дружили и любили по-настоящему» [4, с. 216]. Женщины осознавали свою значимость для государства в годы Великой Отечественной войны.

Анализ факторов внешней и внутренней мотивации дает возможность сделать вывод о наличии общих черт мотивации работников промышленных предприятий и некоторой гендерной специфики. Среди общих можно выделить привлечение рабочих кадров (в том числе и женских), регламентированное различными правовыми актами, общий патриотический подъем, свойственный военной поре. К числу гендерных особенностей мы относим агитационную политику властей по отношению к женщинам, направленную на формирование у них новых моделей поведения, «гендерное премирование», увеличение сети детских учреждений, продиктованное необходимостью вовлечения женщин в производственную деятельность. Внешние мотивационные факторы являлись приоритетными с точки зрения выживания в сложных условиях войны.

Список использованных источников и литературы

1. Айвазова С. Г. Гендерный ракурс массовой политики // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 24—34.

2. Бок Г. История, история женщин, история полов // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 170—200.
3. Будде Г. Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М. : РГГУ, 1999. Вып. 1. С. 131—154.
4. Говорят герои Великой Победы. Диалог поколений. Магнитка — подвиг тыла / сост. А. Логинов [и др.]. Магнитогорск : СВР-Медиапроект, 2013. 288 с.
5. Голдман В. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.). М. : РОССПЭН, 2010. 360 с.
6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917—1957 годы). Т. 2. 1929—1945 гг. : сб. документов. М. : Политиздат, 1957. 888 с.
7. Дэвис Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.
8. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 512 с.
9. Кабирова А. Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995. 174 с.
10. Магнитогорский рабочий. 1941. 25 июня.
11. Мальшева Е. М. К вопросу об источниках личного происхождения в исследовании социальной истории Великой Отечественной войны // Россия в условиях кризисов XIX—XX веков. Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы, Оренбург, 20—21 апр. 2017 г. : сб. статей : в 2 т. / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2017. Т. 1. С. 46—51.
12. Магнитогорский государственный архив. Ф. 118. Оп. 1. Д. 160.
13. Муравьева М. Г. Гендерная история [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/022.htm>.
14. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 6. Д. 210.
15. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 24.
16. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 153.
17. Одна на всех Победа! : кн. воспоминаний ветеранов ЧГПУ : в 3 ч. / сост. Н. А. Вахрушева, И. А. Филиппова. Челябинск : Челяб. гос. пед. ун-т, 2005.
18. Память сердца. Отчет детей перед погибшими и ушедшими родителями. Кн. 6 / сост. и ред. А. М. Котляренко. Челябинск : Челябинский дом печати, 2016. 304 с.
19. Потемкина М. Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск : Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова, 2016. 151 с.
20. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76—86.
21. Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1982. 143 с.
22. Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М. : РОССПЭН, 2002. 352 с.
23. Сомов В. А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. 234 с.
24. Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные исследования. 2001. № 4. С. 149—176.
25. Хисамутдинова Р. Р. Мобилизация женщин в годы Великой Отечественной войны и их повседневная фронтовая жизнь // Война и повседневная жизнь населения России XVII—XX вв. СПб. : Ленингр. гос. ун-т, 2014. С. 472—477.
26. Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 1999. Вып. 1. С. 23—54.

Поступила в редакцию 06.12.2017

Савичева Юлия Олеговна, аспирант

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

Российская Федерация, 455000, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

E-mail: Yulechka_12may@mail.ru

UDK 94(47)“1941/1945”

Yu. O. Savicheva

Gender peculiarities of labour motivation at heavy industry enterprises during the Great Patriotic war

The article analyzes gender aspects of the formation of motivational attitudes among female workers at industrial enterprises of the Southern Urals during the Great Patriotic War. The research is based on archival materials and sources of personal origin, using a gender approach. Internal and external motivational factors and installations are presented; the conclusion is drawn about the gender specificity of labor motivation in industrial enterprises. Among the gender-specific features there are the government's agitational policy towards women, aimed at developing new behaviors, “gender bonuses”, the increase in the network of children's institutions, which facilitated the involvement of women in productive activities.

Key words: gender history, the Great Patriotic war, labour motivation, industrial enterprise, female population.

Savicheva Yulia Olegovna, Postgraduate student

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov

Russian Federation, 455000, Magnitogorsk, ul. Lenina, 38

E-mail: Yulechka_12may@mail.ru

References

1. Aivazova S. G. Gendernyi rakurs massovoi politiki [Gender aspect of mass policy]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve — Woman in Russian Society*, 2016, no. 1 (78), pp. 24—34. (In Russian)
2. Bok G. Istoriya, istoriya zhenshchin, istoriya polov [History, history of women, gender history]. *THESIS*, 1994, is. 6, pp. 170—200. (In Russian)
3. Budde G. F. Pol istorii [Sex of History]. *Pol. Gender. Kul'tura. Nemetskie i russkie issledovaniya* [Sex. Gender. Culture. German and Russian studies]. Moscow, RGGU Publ., 1999, is. 1, pp. 131—154. (In Russian)
4. *Govoryat geroi Velikoi Pobedy. Dialog pokolenii. Magnitka — podvig tyla* [The heroes of the Great Victory speaking. Dialogue of generations. Magnitka is a feat of the rear]. Magnitogorsk, SVR-Mediaproekt Publ., 2013. 288 p. (In Russian)
5. Goldman V. *Zhenshchiny u prokhodnoi. Gendernye otnosheniya v sovetskoii industrii (1917—1937 gg.)* [Women at the entrance checkpoint. Gender relations in the Soviet industry (1917—1937)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 360 p. (In Russian)
6. *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam (1917—1957 gody). T. 2. 1929—1945 gg.: sb. dokumentov* [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues (1917—1957). Vol. 2. 1929—1945 years: a collection of documents]. Moscow, Politizdat Publ., 1957. 888 p. (In Russian)
7. Devis N. Z. *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka* [Ladies on the roadside. Three female portraits of the XVII century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 400 p. (In Russian)
8. Il'in E. P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 512 p. (In Russian)
9. Kabirova A. Sh. *Zhenshchiny Tatarstana na fronte i v tylu* [Women of Tatarstan at the front and in the rear]. Kazan', IYaLI im. G. Ibragimova Publ., 1995. 174 p. (In Russian)
10. *Magnitogorskii rabochii*, 1941, June 25.
11. Malysheva E. M. K voprosu ob istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya v issledovanii sotsial'noi istorii Velikoi Otechestvennoi voyny [On the issue of sources of personal origin in the study of the social history of the Great Patriotic War]. *Rossiya v usloviyakh krizisov XIX—XX vekov. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu Russkoi revolyutsii 1917 g. i 75-letiyu nachala Stalingradskoi bitvy, Orenburg, 20—21 apr. 2017 g.: sb. statei: v 2 t.* [Russia in the context of the crises of the XIX—XX centuries. International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917 and the 75th anniversary of the start of the Stalingrad Battle. Orenburg, April 20—21. 2017: coll. of articles: in 2 vol.]. Orenburg, OGPU Publ., 2017, vol. 1, pp. 46—51. (In Russian)
12. *Magnitogorskii gosudarstvennyi arkhiv* [Magnitogorsk State Archive]. F. 118. Op. 1. D. 160.

13. Murav'eva M. G. *Gendernaya istoriya* [Gender history]. Available at: <http://www.owl.ru/gender/022.htm>. (In Russian)
14. *Ob'edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoi oblasti* [United State Archive of the Chelyabinsk Region] (OGACHO). F. P-288. Op. 6. D. 210.
15. OGACHO. F. P-288. Op. 42. D. 24.
16. OGACHO. F. P-288. Op. 1. D. 153.
17. *Odna na vseh Pobeda!: kn. vospominanii veteranov ChGPU: v 3 ch.* [One Victory for all! Book of memories of veterans of the CSPU: in 3 parts]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. ped. un-t Publ., 2005. (In Russian)
18. *Pamyat' serdtsa. Otchet detei pered pogibshimi i ushedshimi roditelyami. Kn. 6* [Memory of the heart. The report of the children before the dead parents. Book 6]. Chelyabinsk, Chelyabinskii dom pechati Publ., 2016. 304 p. (In Russian)
19. Potemkina M. N. "Vykovyrennye": *lichnostnoe vospriyatie evakuatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* ["Plucked out": personal perception of evacuation during the Great Patriotic War]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gos. tekhn. un-t im. G. I. Nosova Publ., 2016. 151 p. (In Russian)
20. Pushkareva N. L. *Gendernye issledovaniya: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy* [Gender studies: birth, formation, methods and perspectives]. *Voprosy istorii*, 1998, no. 6, pp. 76—86. (In Russian)
21. *Rabochii klass Urala v period stroitel'stva sotsializma* [Working class of the Urals in the period of building socialism]. Sverdlovsk, UNTs AN SSSR Publ., 1982. 143 p. (In Russian)
22. Repina L. P. *Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropeiskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya* [Women and men in history: A new picture of the European past. Essays. Reader]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 352 p. (In Russian)
23. Somov V. A. *Potomu chto byla voina...: Vneekonomicheskie faktory trudovoi motivatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941—1945)* [Because there was a war...: Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941—1945)]. N. Novgorod, Volgo-Vyatskaya akademiya gos. sluzhby Publ., 2008. 234 p. (In Russian)
24. Usmanova A. "Vizual'nyi povorot" i gendernaya istoriya ["Visual Turn" and Gender History]. *Gendernye issledovaniya*, 2001, no. 4, pp. 149—176. (In Russian)
25. Khisamutdinova R. R. *Mobilizatsiya zhenshchin v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i ikh povsednevnyaya frontovaya zhizn'* [Mobilization of Women in the Years of the Great Patriotic War and Their Daily Front Life]. *Voyna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII—XX vv.* [War and Everyday Life of the Population of Russia in the XVII—XX Centuries]. St. Petersburg, Leningr. gos. un-t Publ., 2014, pp. 472—477. (In Russian)
26. Khof R. *Vozniknovenie i razvitie gendernykh issledovaniy* [The emergence and development of gender studies]. *Pol. Gender. Kul'tura. Nemetskie i russkie issledovaniya* [Sex. Gender. Culture. German and Russian studies]. Moscow, 1999, is. 1, pp. 23—54. (In Russian)